

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда я приехала к своей тете Флоренс и ее мужу, Джонатану Салливану, в их имение в Ноб-Хилле, оставалось еще больше года до его превращения в рассыпавшиеся и тлеющие руины. А я все еще была достаточно наивной для того, чтобы поверить в искренность гостеприимства, с которым меня там встретили.

За два месяца до этого умерла моя матушка, оставив меня одинокой, удрученной и потерявшей себя. Мне казалось, будто я понимала, что могу доверять лишь себе. Однако я недооценила пагубную силу изумления, охватившего меня при виде трехэтажного особняка из белого камня, окон, искривившихся в лучах солнца, пробивавшегося сквозь завесу тумана, и красочного буйства роз, чей аромат вкупе с запахом лошадей и человеческого пота висел в крайне влажном воздухе. Если бы я только знала, что поджидало меня в этом доме! Если бы догадывалась! Я поступила бы совершенно иначе... Но в тот день я оказалась буквально ослеплена людьми, которые по мраморным ступеням крыльца заносили в крытую галерею с колоннами кресла, ящики, коробки и корзины. Настолько ослеплена, что не смогла разглядеть правду, скрывавшуюся за богатством Салливанов и их трогательным участием в моей судьбе.

Кучер составил мой чемодан на белый щебень подъездной аллеи.

— За ним в скорости придет лакей, — произнес он и, поспешив обратно к лошадям, добавил: — А вас дожидается тетя.

— Да? — растерянно нахмурилась я, но кучер уже взобрался на облучок и направил лошадей к конюшне, оставив меня топтаться в замешательстве посреди суеты.

О том, что ее родственники такие богатые, мама не рассказывала мне никогда. Ни разу за все годы наших мытарств и страданий. Впрочем, и о наличии у нее сестры она тоже не говорила. Меня это не должно было удивить — мама хранила много секретов. И все-таки... Почему она мне ничего об *этом* не сказала? Может быть, мама и сама не знала о богатстве своей сестры? Мне подумалось, что, скорее всего, так оно и было.

Таких домов, как у Салливанов, я не видела во всем Сан-Франциско. Да и подобных тем, что с ним соседствовали, тоже. Кучер назвал этот район Ноб-Хиллом, и в нем находились одни особенняки — в готическом стиле и в стиле боз-ар, с башенками и верандами. И со всеми мыслимыми элементами декора, которые можно купить за деньги. А за стенами любого из них, вероятно, находилось больше комнат, чем в совокупности на всей моей улице в Бруклине.

В свои двадцать три года я мечтала о таком доме, рисуя в воображении его интерьеры и представляя себя на их фоне. Но мне и в голову ничего подобного не пришло, когда я получила письмо от женщины, которая представилась моей тетей Флоренс, выразила мне соболезнование в связи с кончиной матушки и пригласила пожить в ее семье в Сан-Франциско. *«Мне невыносимо думать о том, что дочь Шарлотты осталась одна-одинешенька в этом ужасном городе. Пожалуйста! Ты должна к нам приехать!»* — писала она.

В конверт был вложен билет на поезд — словно тетя не сомневалась, что я соглашусь. А я и согласилась. Мне нечего было терять, кроме работы продавщицей всяческих безделушек в «Салоне для дам» мистера Бёрда и пансиона со стойким запахом талька и баранины, в котором я делила с мамой убогую комнатенку, снимать которую самой мне было не по средствам. До вынуж-

Великолепные руины

денного поиска другого жилья мне оставались считанные дни, а сердце разьедал страх перед неопределенным будущим.

В поезде до Сан-Франциско я предполагала различные варианты: другой пансион, в лучшем случае — квартиру, а в самых дерзновенных и изысканных сценариях — маленький домик или городской особнячок. Действительность превзошла мои самые смелые ожидания.

Ощущая себя крайне неловко и еще больше нервничая от этого, я проскользнула мимо людей, сновавших вокруг меня, и колонн, украшенных резными купидонами с гербами в руках. И замерла перед открытой дверью.

— Прошу прощения, мисс... — отгеснил меня в сторону рослый парень с корзиной белых роз.

Их аромат едва не одурманил меня, пока я следовала за этим детиной в холл. Невероятно! Потолок этого просторного помещения, находившийся на высоте обычного двухэтажного дома, венчал купольный свод, расписанный ангелами. Ромбовидные изразцы, пестревшие зеленым, коричневым, розовым и белым, сплетались в причудливые узоры на полу. И по нему тоже суетливо сновали служанки и лакеи, перетаскивавшие коробки.

Слева от меня высилось огромное зеркало в золоченой раме. Рядом стояли банкетка, обтянутая бархатом, и столик из мрамора и золота. А на нем среди множества ваз и подносов притаилась на ножках в форме когтистых звериных лап серебряный телефон филигранной работы. Я никогда прежде не видела столь утонченно декорированного аппарата. И даже не предполагала, что такие вещи существуют. Неожиданно телефон ожил, возвестив о своем возвращении к жизни хриплым, но громким трезвонном. И я, вздрогнув от неожиданности, подпрыгнула.

В холл вбежал изможденный китаец в строгом костюме. Подлетев к телефону, он снял трубку с деревянной ручкой и пролаял в нее:

— Резиденция Салливанов!

Меня это удивило. В моем старом районе китайцев не было. И я меньше всего ожидала увидеть одного из них в тетином

доме. Да еще отвечающим на телефонный звонок! Прислужкой в Бруклине работали в основном ирландцы. И мне не доводилось слышать, чтобы у кого-то был дворецким китаец. Я непроизвольно попятилась назад; китаец заметил меня и жестом призвал обождать.

— Нет-нет, — снова гавкнул он в телефонную трубку. — Заказ был на десять, а не на четыре. — Закончив короткий разговор, китаец опустил трубку на серебряные рычаги и обратился ко мне: — Вы — мисс Кимбл?

Я согласно кивнула в ответ, а про себя снова сильно удивилась — его расторопности и полномочиям.

— Семья вас ждет. Сюда, пожалуйста, мисс, — пригласил китаец и развернулся так резко, что косичка, свисавшая между его лопаток, подскочила.

Он провел меня мимо резной лестницы по коридору, который через каждые несколько футов расходился в разных направлениях. Переступив наконец порог какой-то открытой двери, китаец провозгласил:

— Мисс Кимбл прибыла.

— Чудесно! — с энтузиазмом откликнулся кто-то мужским голосом.

Я вошла в гостиную, поражавшую пышностью убранства. Навстречу мне поднялся высокий стройный мужчина в безукоризненно пошитом костюме. Его коротко остриженная борода отливала оттенком червонного золота. Как и уложенные с помощью масла волосы. Все в его облике было продумано и подогнано. Настолько тщательно, что я бы нашла этого человека пугающим, если бы не теплота в его светлых глазах навывкате и распростертые в приветствии руки.

— Мисс Кимбл, я — Джонатан Салливан, ваш дядя Джонни. Как мы рады, что вы наконец-то у нас! — очень убедительно заверил он и сжал мои руки с улыбкой, окончательно успокоившей мои нервы. — Мы с огорчением узнали о кончине вашей матери. Конечно, вам ее никто не заменит, но смею надеяться, что мы хоть как-то скрасим вашу жизнь в ее отсутствие.

Великолепные руины

— Я вам очень благодарна, дядя, за то, что вы послали за мной. Вы можете звать меня просто Мэй. Я буду этому только рада.

— Мэй, ты наверняка захочешь познакомиться со своей кузиной.

Отступив назад, дядя указал на девушку, сидевшую на фоне тисненых золотом обоев среди резных деревянных скульптур и других роскошных безделушек, загромождавших все свободные поверхности.

Как только я ее увидела, я ни на что другое уже смотреть не могла.

— Я — Голди, — представилась кузина и встала с такой грацией, которой я искренне позавидовала. А еще больше меня поразили ее царственная осанка и манера держать голову. Я поняла, что буквально заморожена — нет, околдована! — своей двоюродной сестрой. А ее улыбка заставила меня позабыть о том, что еще совсем недавно мне было до слез одиноко.

Я никогда прежде не встречала человека, которому имя подходило бы настолько идеально, как моей кузине. К чаю она надевала очень интересное платье голубого цвета, в тон глазам, и такого фасона, который выгодно подчеркивал ее модную фигуру «песочные часы». Светлые волосы были искусно уложены в стиле мадам Помпадур, который советовали модницам все свежие журналы. А электрический свет, отражавшийся от обоев, окружал ее ореолом, придавая сходство с расписными и фарфоровыми ангелами, которыми изобилует декор дома.

— О! Вы только посмотрите! — воскликнул дядя Джонни. — Вы так похожи! Так замечательно подходите друг другу! Не сомневаюсь, что вы быстро подружитесь.

Голди заключила меня в объятия с жасминовым ароматом:

— Как хорошо, что мы тебя нашли! Ты кажешься такой родной, что я узнала бы тебя и на улице.

Это было явное преувеличение. Но прозвучало оно по-доброму. И мне было в удовольствие его услышать.

А вот дядя невзначай подранил мое самолюбие. Голди была моей ровесницей или чуть младше. Но этим наше сходство ис-

черпывалось. Кузина больше походила на мою матушку, нежели на меня. Мама тоже была красавицей, а я частенько впадала в отчаяние, рассматривая свои обыкновенные карие глаза, непримечательные волосы и болезненно-желтоватую кожу. И теперь — рядом с Голди — я лишь сильнее ощутила свою заурядность и не поверила голосу рассудка, попытавшегося вразумить меня тем, что бессонные ночи не могли не отразиться на лице, а поездка вымотала меня и припорошила дорожной пылью.

Я поискала глазами женщину, ради встречи с которой преодолела три тысячи миль:

— А где тетя Флоренс?

Дядя и кузина переглянулись.

— Ей очень хотелось здесь быть и поприветствовать тебя, но боюсь, что...

— У нее разболелась голова, — договорила за отца Голди.

— О! — постаралась я не выдать разочарования.

У меня было столько вопросов к этой тете, с которой я никогда не встречалась! Секреты моей матушки, тайны ее жизни и моей жизни... «Что ж, — утешила себя я. — Я только что приехала. У меня впереди еще масса времени, чтобы все узнать».

В тот день я свято верила в это ...

В порыве воодушевления Голди схватила мою руку:

— Тебе, должно быть, не терпится переодеться! Эти поезда такие жуткие, правда? В них невозможно путешествовать в чем-то приличном...

Тем утром я, желая впечатлить своих новообретенных родственников, оделась в лучшее, что у меня было. Нет! Голди не могла увидеть заштопанную дырку на моей блузке — она находилась на спине, под жакетом, который мы с мамой сшили к моей коричневой юбке. Но мне внезапно показалось, что ее видно всем.

Не успела я прочувствовать свое унижение, как кузина продолжала:

— Мы так чудесно повеселимся! Я просто стораю от нетерпения представить тебя всем.

Великолепные руины

— Всем?

— Да, все невероятно воодушевлены предстоящим знакомством с тобой! Обсуждают твой приезд целыми днями! Тебя даже упомянули в колонке «Прибывшие» в «Вестнике новостей»!

Дядя Джонни скривил лицо в гримасе.

— Это говорит лишь о том, что мы — люди известные и находимся в центре внимания, — дерзко парировала отцу Голди. — И именно поэтому к нам приезжает миссис Хоффман.

— Ты смущаешь кузину, моя дорогая, — ласково подметил дядя Джонни, а затем обратился ко мне: — Надеюсь, Мэй, тебя не слишком утомило путешествие. Голди утверждала, что ты будешь уставшей.

— Когда заходит речь о званом ужине, усталость девушкам не помеха, — уверенно заявила Голди.

— О званом ужине? — переспросила я.

— Да, в твою честь, — пояснил дядя. Надеюсь, ты ничего не имеешь против. Мы решили, что это лучший способ оказать тебе достойную встречу и познакомить с нашими друзьями.

— А как ты думаешь — с чего столько слуг путаются под ногами? — фыркнула Голди. — Я заказала пятьдесят дюжин роз и достаточно свечей, чтобы осветить ими всю улицу! — Дядя Джонни поморщился. — Ой, да ладно тебе, папа! Все получится очень красиво. А какой божественный аромат будет от роз! Разве встреча моей давно потерявшейся кузины того не стоит? Мэй, с тобой все в порядке? О, пожалуйста, только не говори мне, что ты слишком устала!

— Наверное, она слегка ошеломлена, моя дорогая, — предположил дядя Джонни, бросив на меня понимающий взгляд.

Слегка? Да это мягко сказано! «Никогда не подавай им повода думать, будто ты не из их круга», — частенько повторяла мне матушка. Подразумевая под «ними» светское общество, к жизни в котором она меня готовила. Правда, я совершенно не ожидала, что мне когда-либо понадобятся мамины уроки. В Бруклине я была простой продавщицей. Уверенной, что в лучшем случае матушкино воспитание поможет мне получить работу в одном из

крупных универсальных магазинов, где мои идеальные манеры могли подтолкнуть покупательницу к приобретению более дорогой брошки.

Я быстро взяла себя в руки и улыбнулась:

— Я в полном восторге! Вы такие замечательные! И так добры ко мне!

— Другого и быть не может. Ты же наша семья! Голди, дорогая, почему бы тебе не показать Мэй ее комнату, дорогая? Ты часом не голодна, Мэй? Я велю подать наверх чай.

— Перед званым ужином, папа? Ни одна девушка не захочет чая перед танцами, — очень убежденно заверила Голди и увлекла меня из гостиной в просторный холл, бурливший кипучей деятельностью. Ловко лавируя между слугами, повела наверх по лестнице, устланной темно-зеленой дорожкой цвета водорослей, затянувших стоячую воду в пруду.

— Сегодня вечером у нас по просьбе папы выступит мистер Сотби. Я так рада! — объявила Голди и многозначительно посмотрела на меня. Она явно не сомневалась в том, что это имя мне известно. Как и в том, что я должна обрадоваться новости не меньше нее. — Думаю, у нас соберутся все важные персоны Сан-Франциско. Я послала приглашение Альфонсу Бандерснитчу. Так что о нашем ужине обязательно напишут в «Вестнике».

— А кто такой Альфонс Бандерснитч?

— Он — автор лучшей в городе колонки светской хроники.

Мы достигли второго этажа, и зеленая дорожка резко оборвалась у ковра с оранжевыми, красными и золотыми оттенками. Светло-голубые потолки украшала замысловатая лепнина, а зеркала в позолоченных рамах обрамляли весь коридор, играя друг с другом отражениями передвигавшихся фигур — бесчисленных Мэй, шедших за бесчисленными Голди. Стол в холле был заставлен фарфоровыми ангелами и золотистыми фавнами, поклонявшимися большому мраморному купидону с арфой.

У одной из дверей Голди остановилась:

— Вот твоя комната. Моя — сразу за купальней. Я сама украсила твою комнату. Надеюсь, тебе понравится. Папа безнадежен.

Великолепные руины

Если бы здесь все зависело только от него, ты бы умерла со скуки. Вокруг были бы одни золотистые полоски.

Только они гораздо больше располагали бы к отдыху, нежели лиловые обои с красными и розовыми розами и синими птицами в гнездах на перевитых зеленых лианах. Напольный ковер тоже усеивали розовые махровые розы. Такого же цвета были и шторы на окне — одни кружевные, другие бархатные. Раздвинутые, они открывали вид на туман, из которого проглядывали крыши зданий и верхушки корабельных мачт. А по количеству *вещиц* комната не уступала гостиной. Чего в ней только не было! Бутылочки с духами, позолоченные светильники, покрытые эмалью шкатулки, стеклянные вазы, фарфоровые херувимы во всех мыслимых позах. Я могла лишь молча глазеть на столь кичливую роскошь, граничившую с расточительством.

Взяв одного из херувимов, Голди погладила его по позолоченным волосам:

— Ты, я полагаю, не имела возможности выходить в свет из-за болезни мамы? Она долго болела?

Вопрос кухни отвлек меня от размышлений о декорах и вкусах.

— Нет, мама вовсе не болела. И покинула меня внезапно. Ее сердце...

— Да? Но, судя по ее письму, она предвидела свою кончину и готовилась к ней.

Я пришла в еще большее замешательство.

— Она написала тебе письмо?

— Не мне. Маме. А иначе как бы мы тебя нашли? Мама никогда о вас не упоминала.

А почему я ничего об этом не знала? Ни о родне. Ни о письме. Вопросы, терзавшие меня с того самого дня, когда я получила тетино приглашение, вернулись — вместе с уже знакомым приливом раздражения.

— Но почему? Почему они не говорили ничего друг о друге?

— Кто знает? — пожала плечами Голди.

— Ты не спрашивала?

— Нет.

— А моя мама в том письме написала что-нибудь об отце?

— О твоём отце? Нет, ни одного слова, — решительно заявила кузина и отвела взгляд в сторону. — Ладно, я тебя пока оставлю. Приводи себя в порядок.

Это была явная увертка. По опыту общения с матушкой я мгновенно различала желание собеседника сменить тему. Каким бы деликатным он ни был. Хотя... возможно, я повела себя чересчур напористо и показалась Голди излишне дотошной. Но мне так хотелось быстрее все выяснить! Шутка ли! Оказалось, у меня имелась родня! Одна сестра жила в Сан-Франциско, другая — в Нью-Йорке. Когда-то расстояние служило достаточно веским оправданием незнанию. Но теперь расстояние не имело значения. Поезд преодолевал его за несколько дней. Телеграф и вовсе — в мгновение ока. Раз матушка послала письмо, значит, она знала и о том, где проживала ее сестра, и о своем пошатнувшемся здоровье. Но почему она никогда не рассказывала мне о тете?

Как же все-таки много тайн! Тайн длиной в жизнь...

«Я дала твоему отцу обещание, Мэй, — сказала мне однажды матушка. — Какова же будет нам цена, если мы не сможем сдержать свои обещания? Отец не забудет о своем долге передо мной и тобой. Он был хорошим, благородным человеком».

Благородным? По отношению к кому благородным? Уж точно не по отношению к нам. И что за обещание дала ему матушка? Уж не из-за него ли мы влачили столь нищенское существование? Мама отказывалась отвечать на мои расспросы. Единственное, что мне удалось у нее выпытать, — это то, что отец был представителем нью-йоркской элиты, членом Клуба четырехсот под началом миссис Астор и непременно *«полюбил бы меня, если бы узнал»*. Но почему же он не удосужился меня узнать?

Насколько я могла судить, матушка не желала просить отца о помощи, а он не прилагал усилий, чтобы нас разыскать. И я ходила в башмаках с картонными подошвами, которые разъедала зимняя слякоть, и в заношенных почти до дыр пальто, которыми

Великолепные руины

нас снабжали благотворительные общества под руководством ханжей из той же социальной прослойки, что и отец. Но матушка была твердо убеждена: отец обязательно выполнит свою часть договора. Что бы ни случилось. И в этой убежденности она оставалась непоколебимой. Как же она верила в отца! Верила, верила, верила... И не желала слышать о нем ни единого плохого слова. Так что я довольно быстро научилась держать свой скептицизм в узде. Хотя сама считала, что отец обманул мою маму и бросил нас обеих. Я давно устала ждать, когда же он исполнит свое бог весть какое обещание. А слепая вера матушки в очевидно вероломного человека с каждым годом раздражала меня все сильнее и сильнее.

В двенадцать лет я уговорила матушку забрать меня из школы — чтобы я смогла работать. Но все свободное время мы проводили вместе. Мама обучила меня правилам этикета, французскому, танцам и рисованию акварелью. Я всегда балансировала между двумя жизнями: той, что я ежедневно проживала в Бруклине, и той, которую сулила мне матушка: «Наступит день, и ты ни в чем не будешь нуждаться. Ты не из этого общества. *Тебе уготована лучшая доля*».

Но принадлежавший к обществу богачей отец так и не материализовался после кончины моей мамы. Быть может, мамино обещание отцу было как-то связано с тетей Флоренс и Сан-Франциско... Но в таком случае — почему матушка никогда не упоминала о Салливанах? Что она им написала? Когда? И почему молчала о своей болезни? Я же ничего даже не подозревала.

Ответы на все эти вопросы почил в могиле вместе с ней. И я попыталась себя осадить, сказать себе в очередной раз: «Наберись терпения. Наверняка тетя Флоренс все знает. А ты пока радуйся переменам и получай от всего удовольствие». Я очень желала радоваться и наслаждаться. И отбросила неприятное сомнение о чудовищной ошибке. Вечером мне предстояло пойти на мой первый бал. Моя жизнь так резко изменилась к лучшему, что разрушать ее в угоду застарелой неудовлетворенности мне не хотелось.

Бального платья у меня, естественно, не было. Пришлось надеть воскресное. Пошитое из муслима желтовато-коричневого цвета, это скромное, благопристойное платье было мне к лицу. Я это знала, так как часто слышала в нем в церкви комплименты. И все же... когда я его надела, мне показалась, будто меня подняла на смех сама комната. Никаких драгоценностей у меня тоже не водилось. Правда, матушка всегда говорила: не украшения делают истинную леди. И тем не менее... Никогда моя бедность не казалась такой очевидной. Я выглядела церковной мышью в золоченой шкатулке, украшенной самоцветами.

А затем раздался стук в дверь. И прежде чем я успела откликнуться, в комнату влетела Голди с грудой вздымающегося розового шелка в руках.

— Я так и знала! — небрежно бросила она шелк на кровать. — Ник сказала, что твои дорожные сундуки придут с задержкой. На эти поезда в наше время действительно нельзя полагаться! В твоем крошечном саквояже бальное платье просто не могло поместиться. Вот я и подумала... Если ты захочешь... почему бы тебе не позаимствовать что-то из моего гардероба? В этом платье меня давно никто не видел.

У меня не было дорожных сундуков. Но я не знала, как сказать об этом Голди. И как объяснить ей, что я жила совсем иной жизнью, а не той, какой она думала. Кроме того, я была как минимум на два дюйма выше кузины, а мое сложение не шло ни в какое сравнение с ее совершенной фигурой. И все-таки... все-таки я была готова носить это платье до окончания своих дней! Из одной лишь благодарности Голди!

— Спасибо тебе, что подумала об этом. Я не хотела никого из вас обременять.

Кузина лишь отмахнулась:

— Я напишу от твоего имени жалобу на железнодорожную станцию.

Послав мне воздушный поцелуй, Голди оставила меня наедине с платьем.

Великолепные руины

Оно показалось мне невероятно красивым — прекраснее всех нарядов, что у меня когда-либо были. Действительно! У него имелся волшебный корсет — благодаря ему мой бюст стал не хуже, чем у кузины. Но его декольте казалось настолько глубоким и откровенным, что обуявший меня ужас отступил только после того, как я закрыла плечи старым кружевным фишю моей матушки. Фишю был не просто старым, а прямо древним! И обтрепанным по краям, но мне удалось уложить его так, чтобы спрятать рваные кусочки. Платье, конечно, оказалось мне коротковато, но оно выглядело гораздо красивее и элегантнее, чем мой унылый коричневый наряд. Розовый цвет добавлял румянца моим бледным щекам. И, по крайней мере, было видно, что я оделась к балу, а не собиралась идти на проповедь.

Мне пришлось немало повозиться, чтобы привести в порядок волосы (мои мелкие кудряшки даже в лучшие времена плохо поддавались укрощению). Пытаясь уложить их в нечто, хотя бы отдаленно напоминавшую стильную прическу Голди, я постоянно прислушивалась — не прибывают ли гости. Но сколько я ни напрягала слух, так ничего и не услышала. Как будто суетливое оживление, свидетельницей которому я оказалась чуть ранее, полностью сошло на нет. Еще с час я решала, каким из многочисленных парфюмов воспользоваться. И в конце концов выбрала апельсиновый аромат.

Я ужасно проголодалась, сожалела, что кухня отказалась от чая, утешала себя тем, что на балу обязательно будет угощение. И все ждала, когда же кто-нибудь за мной придет. Когда же раздастся стук в дверь и в комнате появится служанка, Голди или дядя. И скажет мне, что званный вечер начался. Встав у окна, я наблюдала, как из сгущавшегося тумана выныривали кареты; нимбы их огней проплывали мимо и растворялись в отдалении во влажной дымке. А за мной так никто и не приходил. Может, для почетных гостей существовали особые правила этикета, неизвестные мне? Может быть, мне следовало спуститься в зал самой? Но когда? В означенный час? Или с некоторым опозданием? На матушкиных уроках мы подобный сценарий не обсуждали.